

ЭМОЦИИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТ

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2)

Аннотация: Выражение эмоций в героическом эпосе бурят имеет свою специфику. Перечень эмоций, испытываемых эпическими героями, не велик, однако сложные эмоциональные состояния передаются ярко и убедительно при помощи константных формул, включающих в себя эпитеты, метафоры, сравнения и гиперболизацию.

Ключевые слова: буряты, героический эпос, персонажи, эмоции.

Nikolaeva Natalia Nikitichna
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

EMOTIONS IN THE HEROIC EPIC OF THE BURYATS

Abstract: The expression of emotions in the heroic epic of the Buryats has its own specifics. The list of emotions experienced by epic heroes is not big, but complex emotional states are transmitted brightly and convincingly by means of constant formulas including epithets, metaphors, comparisons and hyperbolization.

Key words: Buryats, heroic epic, characters, emotions.

Эмоции представляют собой особый вид психических, душевных состояний человека, выражая его отношение к определенному субъекту или к какой-либо ситуации в целом. Эмоции субъективны, ситуативны, непродолжительны по времени, в отличие, например, от настроений или чувств, и имеют разные степени интенсивности. По валентности эмоции могут быть положительными (радость, счастье) и отрицательными (горе, гнев). Иногда также выделяются нейтральные эмоции (любопытство, удивление).

Героический эпос, безусловно, не сосредоточен в полной мере на передаче и описании эмоционально-психологического состояния своих героев, привязке мотивов эмоций к сюжетобразующим мотивам, поскольку идеи и цели эпоса совершенно иные, но кратковременная концентрация внимания на эмоциях персонажей (чаще всего, главных героев), использование разнообразных традиционных поэтических тропов для выражения их эмоциональных переживаний встречается даже в архаических эпосах

В эпосе бурят обычно полный спектр эмоций любого плана (позитивных, негативных, нейтральных) могут испытывать положительные персонажи, чаще всего главные, но и второстепенным дается возможность на выражение эмоций в контексте сюжета по необходимости. Эмоции отрицательных персонажей либо не описываются, либо скупы и ограничены. Однако это не означает, что антагонист не испытывает вообще никаких эмоций. Так, например в улигерах герой-богатырь, узнав о разорении своих земель врагом – чудовищем мангадхаем, выражает свои эмоции – гнев, злость – и кинетически (скрежещет зубами, треплет волосы), и словесно (клянется, что пойдет на врага и вернет обратно свой народ с имуществом). Описывается состояние нестабильного душевного состояния героя в неординарной ситуации: он может одновременно плакать и смеяться, глядя на свои разоренные владения, его сердце сильно бьется, сгибая ребра, и т.д. Однако враг-мангадхай, встречаясь с прибывшим на битву героем, не выказывает никаких эмоций, либо выражает их слабо, например, припоминает, что, некогда, услышав о рождении богатыря, он был взволнован [Бурчина, 2007, с. 354-355].

В эпосе также очевидно преобладание отрицательных эмоций над положительными, что в целом согласуется с общим соотношением видов эмоций у человека, выделяемых в психологии. К отрицательным обычно относят гнев / злость, печаль / грусть, страх / испуг, горе. Кроме того, эпические герои нередко пребывают в состоянии эмоционального напряжения, переживают сильное душевное потрясение, которое невозможно однозначно выразить через какую-либо одну эмоцию. Эти эмоции герои испытывают чаще прочих, и их обозначение при помощи лексических средств отличается разнообразием и выразительностью, часто выражаясь через традиционные константные формулы, в которых используются гиперболизация, сравнения и эпитеты.

Горе – одна из наиболее часто встречающихся эмоций в эпосе. В улигерах герои испытывают горе, когда находят разоренные врагом владения; когда сестра видит погибшего брата; когда чудесный помощник-конь обнаруживает погибшего хозяина, и т.д.

К примеру, в улигерах горе часто выражается следующим образом:

<i>Дээшээ нэгэ хаража</i>	Вверх посмотрит –
<i>Инеэхэжэ һуубал даа,</i>	Улыбнется,
<i>Доошоо нэгэ хаража</i>	Вниз посмотрит –
<i>Уяража һуубал даа</i>	Заплачет

[Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 43; Еренсей, 1968, с. 14, 104; Аламжи Мэргэн, 1990, с. 161, 165, 165, 243-244]

Очевидное разделение двух частей формулы, контрастное сопоставление действий показывают сложные и глубокие эмоции, к примеру, сестры, узнавшей о смерти брата.

При помощи вариации достигается еще более сильно выраженная степень горя:

<i>Аянгая ядаба,</i>	Она ничего не могла понять,
<i>Уянгая ядалайл...</i>	Она не знала, что делать.
<i>Дээшээ харжи уйлаба,</i>	В горе сидела она, говорят,
<i>Доошоо харжи бархиржи</i>	Вверх поглядит — плачет,
<i>Һуугаа гээшин тэрэл-даа.</i>	Вниз поглядит — рыдает.

[Аламжи Мэргэн, 1990, с. 161, 165]

Усиление эмоции идет за счет замены глагола с общим значением на глагол с более экспрессивной семантикой: бур. *уйлаха* ‘плакать’ (подразумеваются «тихие» слезы) и *бархирха* ‘реветь, рыдать, плакать навзрыд’. Эта формула достаточно проста и лаконична, но, тем не менее, очень образно обозначает сильное душевное потрясение эпического героя или героини. Кинесика в сочетании с такими сильными внешними выражениями, как плач и смех, передает более зримую, яркую, наглядно выраженную эмоцию.

В редких случаях это же сочетание может передавать и радость, сильное душевное волнение с положительным зарядом:

<i>Дээшээшье харажи</i>	И вверх глядя,
<i>Уяражи зугаалбал,</i>	растрогавшись, беседовали,
<i>Яргаһанаа хэлэжи</i>	о счастье своем разговаривая,
<i>Зугаалажи һуубал-даа.</i>	беседовали.
<i>Доошоошье харажи</i>	И вниз глядя,
<i>Инеэжи һуужу зугаалбал.</i>	смеясь, беседовали.

[Аламжи Мэргэн, 1990, с. 263-265]

Другая, не менее частотная формула для выражения глубокого горя с незначительными вариациями встречается во многих улигерах:

<i>Баруун нюдөөр бархирба —</i>	Слезам из правого глаза
<i>Байгал далай болгобо,</i>	Байкал-море наплакала,
<i>Зүүн нюдөөр уйлаба —</i>	Слезам из левого глаза
<i>Зүлхэ далай болгобо.</i>	Лену-реку наплакала

[Аламжи Мэргэн, 1990, с. 97, 209-211, 262-263; Айдурай Мэргэн, 1979, с. 78; Хан Сагта абхай / Шаракшинова, 2000, с. 128-138, 130-140]

В ее вариантах используется сравнение слез с Байкалом и Леной:

<i>Баруун нюдэнээ нёлмоје</i>	Слезы с правого глаза
<i>Байгал бүтэ сэсэржи ябана</i>	Словно Байкал расплескал,
<i>Зүүн нюднээ нёлмоје</i>	Слезы с левого глаза
<i>Зүлхэ бүтэ сэсэржи</i>	Словно Лену расплескал,
<i>Алтан хара нюднөөн атхалуулжи</i>	Из золотисто-черных глаз слезы лил,
<i>Мүнгэн хара нюднөөн мэлгэрүүлжи</i>	Из серебристо-черных глаз слезы лил

[Алтан Шагай / Шаракшинова, 2000, с. 14-51]

Здесь также используется привычный, устоявшийся мотив плача как выражение горя, однако предельно гиперболизированный. Формула достаточно универсальна – употребляется в отношении и положительных, и отрицательных героев, как для женских, так и для мужских персонажей. Она чрезвычайно интересна тем, что содержит в своем составе реальные гидронимы. Использование названий Байкал и Лена, с одной стороны, продиктовано законами аллитерации, начального рифмования строк: *баруун* – ‘*Байгал*’, *зүүн* – ‘*Зүлхэ*’. С другой стороны, в улигерах привязка эпического действия к определенным локусам (Алтай и

Хухэй, река Морэн, Черное, Белое, Желтое моря, страна Хонин Хото и т.д.) мифологична, географические реалии, хоть и встречающиеся в центральноазиатской топонимике, во многом условны. Но в данном конкретном случае, на взгляд, мы имеем дело с достаточно точным указанием на место сложения и бытования эпических произведений – Предбайкалье, Приленье, места расселения бурят эхиритских и булагатских родов, создателей и носителей богатейшей эпической традиции. Кроме того, в формуле содержатся, на наш взгляд, своего рода мифологические реминисценции этиологического характера – о возникновении таких крупных водоемов, как Байкал и Лена, по представлениям бурят.

В целом, выражение горя в бурятских улигерах чаще всего связано с мотивом плача, слез, рыданий. Так, в 32 эпизодах из 8 улигеров, проанализированных нами, где герои испытывают горе, только в одном не упоминались слезы или плач. Другие выражения эмоций, связанные с горем, дополняющие слезы, нередко выражаются кинетически, т.е. при помощи движения, жестов: так, герои обнимают друг друга, героиня обнимает коня, герои падают без чувств, падают на землю ничком, обнимая ее и сокрушаясь, и т.д.

Также наиболее часто проявляемыми эмоциями в эпосе являются гнев и связанная с ним злость. Гневаются по большей части, эпические богатыри в ситуациях конфликта, столкновения с врагом, обнаружив последствия вражеского нашествия. Гневаться и сердиться могут и второстепенные персонажи, например, отец невесты, девы-воскресительницы, гневается на потенциального зятя, выполняющего все его поручения.

Для выражения гнева у бурят наиболее распространенной по употреблению формулой является следующая:

<i>Орооо хара үнэйе</i>	Головы своей черные волосы
<i>Орболзуулан уурлаба,</i>	Вздыбля, сердился,
<i>Оошоео сагаан шүдэйе</i>	Зубами белыми
<i>Ханхинуулан байбал даа</i>	[Он] скрежетал

[Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 144, 146; Зээрдэй Мэргэн / Шаракшинова, 2000, с. 108; Тушемилов, 2000, с. 27; Аламжи Мэргэн, 1990, с. 151, 226-227]

Здесь состояние эпического героя полностью передано кинетически, через выразительное пластическое обозначение эмоции с яркой экспрессией. Сказитель «изображает» динамику движения героя, эмоциональное состояние которого буквально «встает перед глазами».

Эмоциональное состояние может выражаться и путем подбора эпитетов и сравнений:

<i>Хүлзээн буха шиг</i>	Словно быки, собирающиеся бодаться,
<i>Хилайлдажа тойробо,</i>	косились [они друг на друга], кружа,
<i>Хүдээшээн тэнгэр шиг</i>	словно небо, затянутое тучами,
<i>Нэтүйдэжэ тойролдобо</i>	хмурились, кружа

[Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 40, 57, 76, 87, 170, 190; Еренсей, 1968, с. 117]

Выражение сильного вспыхнувшего гнева может передаваться и только лексически, одними глаголами и глагольными выражениями с соответствующими значениями, например:

<i>Ехэ уур уурлаба</i>	Великим гневом разгневался,
<i>Великой яростью разъярился</i>	Ехэ сухал сухалдаба

[Алтан Шагай / Шаракшинова, 2000, с. 18, 25]

<i>Уур ехээр уурлажа,</i>	Гневом великим разгневалась,
<i>Уушха ехээр булхайжа</i>	легкие большие надула (букв.)

[Эржэн Мэргэн хубун, л. 51]

Еще одной однозначно выделяемой и достаточно выразительной эмоцией является страх (его более кратковременная форма – испуг). Страх испытывают и положительные, и отрицательные персонажи, главные и второстепенные. Эпический богатырь или богатырка также могут испытывать это чувство ситуативно, несмотря на безусловную героическую характеристику. Наиболее распространенным и традиционным является следующее выражение:

<i>Боро ехэ зүрхэмни</i>	Серое большое сердце мое
<i>Бульдаала бэлэйлдаа</i>	забилось,
<i>Богони ехэ хабһамни</i>	короткие ребра мои
<i>Маталзаала бэлэйлдаа</i>	стали изгибаться

[Еренсей, 1968, с. 52, 116, 119, 119–120; Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 56, 87, 189; Айдурай Мэргэн, 1979, с. 88, 44-98]

Вариация:

Хара зурхэниинь харъялна

Боро зурхэниинь буръялна

Ехэ айжа байна

Черное сердце [ее] забурлило,

Серое сердце [ее] заклокотало,

Сильно испугалась [она]

[Зэрдэй Мэргэн / Шаракшинова, 2000, с. 109-118]

Эта формула передает естественную физиологическую реакцию человека, испытывающего эмоцию. Кроме того, от страха / испуга в бурятском эпосе герои теряются, кричат, плачут, падают в обморок. Обращает на себя внимание следующий момент: испуг / страх в большинстве случаев описываются достаточно естественно, не в утрированном или гиперболизированном виде, как, например, гнев. Нередко используются простые глагольные формы и сочетания с непосредственным обозначением эмоции: испугался, в испуге ехал, страх охватил и т.д.

Таким образом, в героическом эпосе бурят изображение эмоций персонажей представлено, с одной стороны, достаточно сдержанно и лаконично, с другой – психологические состояния персонажей, выражаемые при помощи эмоций, передаются живо и образно. При этом достоверно переданы как особенности национального менталитета с учетом сложившегося этнического психотипа, уклада жизни, имеющих верований и традиций и т.д., так и общие эмоциональные реакции, присущие индивиду или группе индивидов. Переживание эмоции субъектом – эпическим героем, выражается через изменение его внешнего вида, мимики, поведения, передается в образном ключе как через простые глагольные формы и конструкции, так и через традиционные эпические формулы, краткие и развернутые с использованием метафор, эпитетов и сравнений. Эмоции протагониста и антагониста нередко передаются одними и теми же константными формулами. Выражение эмоций зачастую имеет гиперболизированный вселенский масштаб (как и все остальное), в некоторых случаях даже приобретая этиологические оттенки.

Литература

Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Подгот. текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961. 230 с.

Айдурай Мэргэн. Подгот. текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. 126 с.

Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон: Бурятский героический эпос. [сказитель Е. Шалбыков; пер., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. М. И. Тулохонова]. Новосибирск, 1991. 311 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.

Еренсей. Подготовка текста, перевод и примечания М. Н. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 207 с. Шаракшинова, Н. О. Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 154 с.

Эржэн Мэргэн хүбүүн (улигер качугских / ленских бурят) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36, оп. 1, инв. № 234. 77 л.